
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Длугач Т.Б.

главный научный сотрудник Института философии РАН, 109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: dlugatsch@yandex.ru.

От Левиафана к гражданскому обществу

Аннотация. Автор статьи ставит цель полнее раскрыть содержание концепции общественного договора, впервые представленной в «Левиафане» Томаса Гоббса. Кратко разбирается критика взглядов Гоббса современными исследователями (Т. Парсонс, К. Скиннер, А. Филиппов, Э. Соловьев). Развивший принципы общественного договора Ж.-Ж. Руссо объяснил возникновение государства необходимостью введения частной собственности. Это уже не государство-суверен с подданными, а гражданская община с гражданами, которые становятся благодаря соглашению частями общей воли. Именно граждане на своих форумах принимают законы и учреждают частную собственность, именно гражданская община обладает суверенитетом. В статье уделено внимание также современным теориям справедливости и относительной справедливости Дж. Роулза и М. Уолцера, обратившим внимание на начальное неравенство возможностей людей и пути его преодоления. Автор статьи указывает на трудности, связанные с актами суверенитета, т.е. с актами принятия законов в учении Руссо. Законодатель, предлагающий законы, и народ, принимающий их, находятся в сложных антиномических отношениях: непросвещенный народ не понимает смысла предлагаемых законов, а законодатель не может объяснить его, поскольку опережает свое время. Руссо не разрешает эту антиномию так же, как не может признать здравый смысл надежным способом управления обществом. В заключение статьи рассматриваются некоторые современные концепции общественного устройства (Ю. Хабермаса и В. Библера).

Ключевые слова: Гоббс, Руссо, общественный договор, государство, община, суверен, граждане, подданные, права, свободы, собственность.

В 1651 г. Томас Гоббс опубликовал своего «Левиафана» и обосновал возникновение государства принципом общественного договора. Для истории европейской философии это без преувеличения означало наступление новой эры, которая ориентировалась в своих установках не на религию, а на природу человека. Наступивший XVII век стремился объяснить все общественные явления естественными природными свойствами человека. Признавалось, что у всех людей красная кровь, что в этом отношении все люди одинаковы и равны и что королевская власть дана не Богом, а решениями людей. Гоббс построил на этом фундаменте целостную теорию общественного бытия людей – государства.

Никто не ожидал от него в то время социологических открытий: Гоббс был известен как первоклассный математик, он даже давал уроки математики наследному принцу Уэльскому; правда, в 40-х годах появились его работы, посвящённые уникальным свойствам человека – «О теле», «О человеке» и «О гражданине». Но они не были встречены как что-то выдающееся. Тем неожиданнее был выход в свет знаменитого «Левиафана».

Нам сегодня трудно судить, почему современники ошеломлённо встретили это сочинение (не забудем, написанное на латыни). Слова «общественный договор» вошли в нашу жизнь и не кажутся нам чем-то необычным. Но в начале XVII в. эти слова были непривычными. Гоббс не побоялся связать с ними новое понимание истории.

Он исходил из того, что от природы люди равны физически и интеллектуально, что уже было необычно. Но именно поэтому между людьми возникает недоверие, соперничество и жажда власти. Вследствие этого они вступают друг с другом в борьбу, стремясь отнять у другого то, что хочется, потому что в естественном состоянии (*status naturalis*), когда люди живут изолированно, нет ещё понятий моего и твоего. «Из этого равенства способностей возникает равенство надежд для достижения своих целей. И вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой они не могут обладать вдвоём, они становятся врагами и на пути к достижению их цели они стараются погубить или покорить друг друга»¹.

Правда, Гоббс говорит и о добрых страстях, это естественные законы милосердия, сострадания, жалости и т.п., однако они уступают естественным страстям, и начинается война «всех против всех» (*bel-*

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 113.

lum omnium contra omnes). И пока нет силы, способной прекратить эту войну, она губит человеческий род. Эти выражения – война всех против всех и Левиафан – становятся личными знаками Гоббса; кроме того, они становятся ещё именами нарицательными. «Но война и подготовка к ней мешают насладиться плодами своего труда; нет ни земледелия, ни судоходства, нет морской торговли, нет судебных зданий, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»².

Однако у человека есть и другие, благие естественные законы. Это желание мира и понимания, что в ситуации войны жить нельзя. Для того, чтобы устранить войну, люди заключают договор (контракт), он даёт гарантии спокойной жизни. Согласие людей обусловлено соглашением. Поскольку соглашение является не чем-то природным, а чем-то искусственным, то для того, чтобы сделать его постоянным и длительным, нужно еще что-то кроме согласия, а именно нужна общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, может быть воздвигнута лишь одним путем – путем сосредоточения всей власти в одном человеке или собрании людей, которое методом большинства голосов могло бы свести все воли в единую волю. «Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенное каждым человеком с каждым другим»³ На эту единую волю и переносятся права каждого, это договор каждого с каждым, который является по сути общественным договором.

Такой договор означает отказ от естественного права захватывать имущество другого и убивать его, он означает перенос этого права на избранное лицо, следящее за порядком. Взамен люди получают некоторые блага и свободы, главное из которых сохранение жизни. «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя узды (которой они связаны между собой) является забота о своём сохранении и о более благоприятной жизни при этом» (С. 143).

Но без силы все благие слова о соглашении повисают в воздухе, поэтому договор подкрепляется реальной силой – армией, милицией и т.п. Они составляют внутреннюю структуру государства. «Если это

---

² Гоббс Т. Левиафан. С. 145.

³ Там же. С. 146.

совершится, то множество людей, объединённое таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни *civitas* . . . , того *смертного бога*, которому мы под владычеством *бессмертного бога* обязаны своим миром и своей защитой» (С. 140).

Назвав государство Левиафаном, Гоббс обеспечил себе множество упреков в настоящем и будущем, потому что это имя библейского чудовища, которое, будучи сильнее всех живущих в водной стихии, заглатывает сопротивляющихся. Почему бы не назвать его Бегемотом, как назвал Гоббс долгий, не собиравшийся одиннадцать лет при Карле I пассивный парламент? Да как раз потому, что Левиафан – реальная сила. Как Англия господствует на море, так она будет господствовать на суше благодаря своей силе и своим правам. «Взаимное перенесение права есть то, что люди называют государством» (С. 120).

На первый взгляд за перенесением прав стоит защита людей от опасности, прежде всего, сохранение жизни. Но, кроме того, это означает действительный перенос: права захватывать и наказывать. Только оно приобретает законный характер: право захвата приобретает форму конфискации имущества, право на жизнь – присуждения смертной казни за преступление. Государство принимает законы поведения на основе библейского закона «не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе». На этой основе государство утверждает справедливость, вводит законы и частную собственность.

Государству Гоббс придаёт права суверена – независимого самостоятельного субъекта. Если же подданные захотят выступить против каких-либо его установлений и решений, то это будет означать, что они выступают против себя, так как сами добровольно перенесли на суверена свои права. Поэтому ни в каком случае они не могут сопротивляться Левиафану. Власть суверена неделима и неотчуждаема; он издаёт законы, создаёт правительство, советников и чиновников, объявляет и заканчивает войны, награждает и наказывает.

У Гоббса есть два выражения для обозначения власти суверена: *common wealth*, которое, возможно, тождественно понятию суверена; и новое понятие *d'etat*, скорее всего, указывающее на внутреннюю структуру государства.

Подданный не может сопротивляться государству, даже если его наказывают смертью. Правда, на одной из страниц Левиафана мы читаем: подданные обладают свободой защищать свою жизнь даже от тех, кто посягает на неё на законных основаниях. Не противоречит ли эта свобода праву суверену распоряжаться жизнью подданных? –

Нет, имеется в виду суд: действительно, в суде с помощью адвокатов и других защитников виновный может защищать свою жизнь – ведь законы создаёт государство, и такая защита – подчинение ему. Свободы подданных, которые не запрещены законом: вести хозяйство, вступать в торговые отношения, заключать браки, воспитывать детей, выбирать место жительства. Гоббс называет их не правами, а свободами, потому что прав, у них, действительно, нет: они не участвуют в создании и принятии законов.

Разъяснению того, что такое законы, Гоббс уделяет много места: «Эти правила о собственности (или о моем и твоём), о добре и зле, о закономерном и не закономерном в человеческих действиях являются гражданскими законами, т.е. особыми законами каждого отдельного государства» (С. 151) «Гражданским законом являются для каждого подданного те правила, которые каждое государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, с тем, чтобы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным, т.е. между тем, что согласуется, и тем, что не согласуется с правилом» (С. 208) И далее: «Естественный и гражданский законы совпадают по содержанию и имеют одинаковый объём. Ибо естественные законы, заключающиеся в беспристрастии, справедливости, признательности и других вытекающих отсюда моральных качествах не являются в голом естественном состоянии... законами в собственном смысле слова, а лишь качествами, располагающими людей к миру и повинению. И лишь по установлении государства, а не раньше, они становятся действительно законом, ибо тогда они становятся приказами государства, а потому также и гражданскими законами, в силу того, что верховная власть обязывает людей повинаться им. Дело в том, что при различиях, имеющих между отдельными людьми, только приказание государства могут установить, что есть беспристрастие, что есть справедливость и что есть добродетель, и сделать все эти правила поведения обязательными, а также только государство может установить наказание за их нарушение, и такие приказания являются поэтому гражданскими законами» (С. 209) Естественный закон является поэтому во всех государствах мира только частью гражданского закона. В свою очередь гражданский закон является частью предписания природы. О свободе подданных надо говорить особо.

Нет такого государства, пишет Гоббс, в котором были бы прописаны абсолютно все нужные правила, поэтому отсюда следует, что во всякого рода действиях, о которых правила умалчивают, люди имеют

свободу делать то, что их собственный разум подсказывает им как наиболее выгодное для них. Последнее замечание имеет исключительно важное значение: интеллектуальная свобода приведет к свободе хозяйствования, а она, как увидим дальше, к правовой свободе.

Из форм государственного устройства наилучшим Гоббс считает монархию. Во-первых, потому что благосостояние монарха прямо зависит, по его мнению, от благосостояния подданных; во-вторых, потому что монарх может выслушивать множество мнений и выбирать правильное; если же управляет несколько лиц (аристократия), то они запутываются в противоположных мнениях. Наконец, решения одного лица выполнить легче, чем решения многих лиц.

Гоббс предполагает возможность гибели монархии – в случае её завоевания или в том случае, когда монарх превышает свою власть, и она вырождается в тиранию. Тогда подданные возвращаются в естественное состояние хаотической войны и вынуждены вновь заключать общественный договор.

Стремление абсолютизировать власть было определено политическим чутьём Гоббса к делу укрепления возникающих национальных буржуазных государств.

Итак, социологическая концепция Гоббса – первая, опирающаяся на общественный договор. Заслуга его в том, что он объяснил возникновение государства естественными причинами, отказавшись от религиозных. Недостаток же, кажется, в том, что он превратил жителей государства в подданных, лишённых гражданских прав. Но было ли возможно иначе представить их в тот момент? И Франция Людовика XIII, и Англия Карла I свидетельствуют о том, что их жители были подданными. Вспомним трех мушкетеров, вспомним знаменитое высказывание Людовика XIV «Государство – это я!»

* * *

Как почитателей, так и критиков у Гоббса было много.

По-видимому, лучший современный отечественный знаток концепции Гоббса А.Ф. Филиппов считает неверным сам её исходный пункт. Никогда не было естественного состояния, настаивает он; никогда люди не жили совершенно изолированно, да об этом говорит и сам Гоббс в главе 13. Поэтому не может быть речи о соперничестве и даже о войне. Война – это когда захватывают что-то чужое, но пока нет государства, нет и собственности, вследствие чего каждый может отнять у другого всё, что в его силах. В своих статьях об актуально-

сти концепции Гоббса, А. Филиппов доказывает: эта концепция родилась не из исторических фактов, а скорее, из наблюдений над распадающимися государствами, когда их граждане попадали в естественное дикое состояние. По его мнению, естественное и гражданское состояния являются оборотными сторонами друг друга, превращаясь из одного в другое. Он также утверждает, что теория Гоббса – идеальная конструкция. «Чем более ясным становился для Гоббса Левиафан, тем менее важной для него становилась история»⁴.

Бесспорно: любая теория всегда является идеализацией. Ведь серьёзно никто не считает, что Ньютон создал теорию тяготения, наблюдая за падающим яблоком или что, рассчитывая движение тел, физик серьёзно отождествляет движущееся тело с материальной точкой, перемещающейся в пустом пространстве. Всякая теория представляет модель реального предмета в идеальной форме, за идеальным предметом скрывается реальный предмет. За естественным изолированным состоянием людей у Гоббса скрывается признание их самостоятельности при заключении договора и вхождении в состояние договора (*status civilis*).

А. Филиппов подчёркивает, что государство, согласно Гоббсу, воплощает в себе и исполнительную, и законодательную, и судебную власть; они неделимы, и распри в государстве начинаются как раз в результате их разделения. Согласно Филиппову, это мнение оспаривалось Локком и Монтескье. Как известно, Локк в «Двух трактатах о государственном правлении» противостоит в этом Гоббсу. А. Филиппов не сомневается и в том, что, хотя у индивидов в естественном состоянии есть представления о добре и зле (вследствие чего они хотят объединиться), но всё же только государство, как он полагает, строго определяет, что такое добро, зло, справедливость, несправедливость и создаёт на этой основе законы.

Важное возражение Гоббсу о причинах договора делает английский философ Т. Парсонс. Парсонс не согласен с Гоббсом в том, что договор заключается только из утилитарных соображений сохранения жизни и получении выгоды. Есть и чисто моральные, как он считает, гуманистические соображения. «Человек хочет сохранить свои гуманные наклонности, а это можно сделать только в обществе»⁵. Но Т. Парсонс не совсем прав: ведь главной целью государства, о чём

---

⁴ *Филиппов А.Ф.* Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 107.

⁵ *Parsons T.* The structure of social actions. New York, 2010. P. 42.

неоднократно пишет Гоббс, является сохранение жизни. А это, несомненно, гуманное требование.

Близки к этим возражениям замечания К. Скиннера. Он пишет о том, что воспитанный в традициях гуманизма, Гоббс в «Левиафане» отстаивает прямо противоположную точку зрения: вместо республиканской концепции он предлагает концепцию суверенитета, по которой люди отказываются от своего права на самоопределение. «Стремление Гоббса упрочить абсолютную власть было, по видимому, его реакцией на возникший после смерти Кромвеля политический хаос в Англии 50-60-х годов. Казнь Карла I в 1649 г. объясняется желанием последнего подчинить себе милицию; если бы власть меча стала независимой от власти права, которая принадлежит суду, то она стала бы господствовать над правом и, будучи в руках одного человека, могла бы по его капризу контролировать право и угрожать хартии вольностей»⁶.

К. Скиннер же убеждён в том, что «если ты хочешь сохранить свою свободу... ты должен жить при системе, в которой исключительная власть принимать законы остаётся у народа или у его наделённых доверием правителей и в которой индивидуальные члены политического тела (как правители, так и граждане) остаются в равной степени подчинены тем законам, которые им угодно на себя наложить»⁷. «Тогда правители будут лишены права произвольного принуждения и тиранического способа ввести себя и сограждан в рабство, то есть в зависимость от их доброй воли»⁸.

Лео Штраус, пишущий о Гоббсе ещё с 30-х годов, говорит о том, что тот порывает с рационализмом: так как если люди, по его мнению, равны, в том числе интеллектуально, разум не может обуславливать чьё-либо господство. «Разрыв с рационализмом есть, таким образом, решающая предпосылка как суверенитета, так и вытеснения «права», то есть вытеснения примата обязательства приматом притязания»⁹. Штраус также пытается отстаивать принципы либерализма против гоббсовской абсолютизации власти. «Политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь; но для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом не достижимо и не обоснованно. Индивидуализм, который отдаёт распоряжение физической жизнью индивида

⁶ Скиннер К. Свобода до либерализма / Пер. А.В. Магуна. СПб., 2006. С. 30.

⁷ Скиннер К. Свобода до либерализма. С. 68.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Strauss L. Hobbes politische Wissenschaft. Briefe. Stuttgart, 2008. S. 181.

кому-то другому, был бы столь же пустой фразой, как и либеральная свобода, о содержании в мире которой принимал бы решение кто-то другой, а не свободный человек»¹⁰. Но, как уже было сказано, демократические требования вряд ли возникали в то время, когда буржуазный класс ещё только поднимался.

Необычайно глубокий и интересный анализ провёл отечественный исследователь Э.Ю. Соловьёв. Он смог выявить хотя и неочевидную, однако характерную для теории Гоббса, антиномичность статуса подданного; благодаря развёрнутой антиномии в «Левиафане» может быть намечен подход, каким это ни покажется странным, к будущей демократизации общества, ведь подданный и подданный, и в то же время он самостоятелен. Дело касается следующего.

Подданные ради сохранения своей жизни, – это главная задача индивида, согласно Гоббсу, – должны подчиниться всем государственным требованиям и законам. К этому их призывает разум, говорящий о том, что естественные страсти – ревность, соперничество, жажда власти – должны уступить стремлению к мирному существованию. Разум безоговорочно убеждает их в том, что государственная сила, подчиняющая эти страсти, сохраняет каждому жизнь. И всё же такие разумные требования небогоговорочны. Разум действует здесь как бы не в своей собственной сфере, направляясь на страсти, на чувственность (подобно тому, как рассудок в философии Канта оборачивается в сфере чувственности синтезом). Но у разума есть своя собственная область, когда он действует не ради чего-то, а выполняя свои собственные требования. Человек не может думать иначе, чем он думает, иначе, чем велит ему ход собственной мысли. Ни ради каких-то выгодных целей, ни даже ради защиты собственной жизни он не может думать иначе, чем побуждает его мысль. Не выразилась ли в поступках Бруно и Галилея сущность абсолютно независимого разума? Именно такая самостоятельность разума создаёт даже у подданного интеллектуальную автономию. Индивид, конечно, может притвориться, что он думает так, как ему приказывают, но в реальности он думает так, как ему велит разум. Э.Ю. Соловьёв обращается в этом случае к работе Гоббса «О гражданине»: «Под правым разумом (*recta ratio*) в естественном состоянии людей я, в отличие от многих, понимаю не некую непогрешимую способность, но акт рассуждения, то есть собственное правильное рассуждение каждого отдельного человека о совершаемых действиях... Собственный разум каждого от-

---

¹⁰ *Strauss L.* Hobbes politische Wissenschaft. S. 70.

дельного человека должен считаться не только критерием для оценки его собственных поступков, совершаемых им на свой страх и риск, но и мерилом чужого разума в делах, касающихся его самого»¹¹.

Э. Соловьёв привлекает в этой связи также рассуждения Гоббса, касающиеся не государственных приказов, но советов. Если приказы должны выполняться *без обсуждений*, ибо такова цена жизни, то советы остаются на долю советчиков. Каждый принимает их в том случае, если они соответствуют его собственным доводам: «... Человек может быть обязан делать то, что ему приказывают, как, например, в том случае, если он заключил договор о повиновении, но он не обязан делать то, что ему советуют, ибо неповиновение совету может повредить лишь ему самому... Никто, даже суверен, даже глава церкви, озабоченный спасением души, не может домогаться права быть советчиком другого»¹².

«Человек, который устраивает свои дела при содействии многих и разумных советчиков, советуясь с каждым из них в отдельности по тем вопросам, по которым соответствующий советник является наиболее компетентным, поступает *наиболее разумно* и похож на того, кто, играя в теннис, пользуется содействием способных помощников, расставленных на надлежащих местах. Вслед за ним поступает наилучшим образом тот, кто пользуется исключительно *своим собственным умом*, как в теннисе тот, кто совершенно не прибегает к содействию помощников»¹³.

Как раз сила такой самостоятельности проявляется в том, чтобы самому вести своё хозяйство, возделывать свой участок, заключать браки, воспитывать детей. Указанные права Гоббс называет не правами – и в этом случае он совершенно прав, ибо подданный прав не имеет, – а свободами, и главная здесь свобода – в хозяйствовании. Самостоятельность работающих индивидов, руководствующихся убеждениями самостоятельного разума, даёт хозяйственный эффект и превращает их таким образом в автономных хозяйственных индивидов.

Итак, убеждённость думать только так, как внушает человеку его разум, столь же непреложна, как и стремление сохранить свою жизнь. Можно выказывать внешнее повиновение, но нельзя думать иначе, чем повелевает разум: «Мой суверен... может обязать меня к повиновению в том смысле, чтобы я ни действием, ни словом не выразил

---

¹¹ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Избр. произведения. Т. 1. С. 310.

¹² Гоббс Т. О гражданине. Т. 2. С. 273.

¹³ Гоббс Т. Левиафан... С. 206–207. Курсив мой – Т.Д.

ему своё неверие, но не в том смысле, чтобы я думал иначе, чем мне внушает мой разум»¹⁴.

Далее Э. Соловьёв приходит к выводу, что хозяйственная автономия ведет к правовой. Действительно, протест против принудительной отеческой власти уже существовал во времена Гоббса и был обусловлен успехами Реформации, поставившей индивида в ситуацию личной ответственности за все свои поступки. И это верно. Но это еще не означало завоевания правовой независимости. И верно ли убеждение Э. Соловьёва, что хозяйственная автономия индивида ведёт к правовой автономии? «Идея утилитарной автономии индивида указывает на новую парадигму правозаконности, неизвестную традиционным (докапиталистическим) обществам. Право начинает мыслиться как система постановлений, освобождающих индивида от превентивной регламентации его поведения... Речь идёт о законности, которая открывает простор для действия на свой страх и риск: для проб и опытных выводов, для ошибок и обдумываний, падений и возрождений»¹⁵.

И всё же речь, на мой взгляд, может идти только о подготовке субъекта права: он лишь рождается и рождается очень медленно и постепенно. Он и не может ещё родиться, потому что у него нет собственности, а право возникает только на основе собственности, так, во всяком случае, убеждали Карл Маркс и другие экономисты. Ее нет. Вернее, она как бы есть, и всё же её ещё нет, так как собственность распределяется сувереном: он даёт её индивидам, руководствуясь одному ему ясным отличием – столько-то баронам, столько-то простому люду. И он может отнять её за какую-либо провинность. Поэтому собственность еще как бы условна.

То, что Гоббсов интеллектуальный индивид не является субъектом собственности, а следовательно, и права, удостоверяет одна из глав сочинения «О гражданине» (гл. 12, п. 7): в числе мятежных и губительных для государства требований приводится требование частной собственности. Так что хозяйствовать – хозяйствуйте, но не владейте и не требуйте прав, вы всего лишь подданные, а не граждане.

Гоббс еще уточняет, чтобы не было никаких недоразумений: верховная власть устанавливает все правила общежития, в том числе и правила собственности: «К верховной власти относится вся власть предписывать правила, указывающие человеку, какими благами он

---

¹⁴ Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 2 М., 1964.. С. 381.

¹⁵ Соловьёв Э.Ю. Политическая философия Томаса Гоббса // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 237 и ранее.

может пользоваться и какие действия он может предпринимать без того, чтобы быть стеснённым в этом отношении каким-либо из своих сограждан. И это именно то, что люди называют *собственностью*... Эти правила о собственности (или о моём и твоём), о добре и зле, закономерном и незаконном»¹⁶. Подданные обладают свободой делать то, что их собственный разум подсказывает им в планах их выгоды, но только в рамках, установленных государством.

Мы можем теперь сказать: в концепции Гоббса всё подготовлено для того, чтобы подданный обрёл собственность и право, но пока это только в возможности. Для того чтобы она стала действительностью, нужна «малость» – надо чтобы государство появилось не ради прекращения войны всех против всех, а ради... установления собственности. Для этого нужно представить людей не одержимыми дурными страстями существами, а добрыми, милосердными, жалостливыми. Объединение тогда возникает не ради устранения войны, а ради других целей. Это и предложит через 100 лет Ж.-Ж. Руссо.

* * *

В государстве Гоббса собственность вводится и держится сувереном, причём с признанием социальной иерархии; у Руссо собственность вводится и держится гражданской общиной, ради которой она, собственно, и возникает. Итак, Ж.-Ж. Руссо осталось лишь представить людей как добрых, милосердных, нравственных, чтобы отпала необходимость в государстве-Левиафане, и возникла возможность поставить на его место другой договор и другое государство. Тогда к его жителям переходят и сила, и способность формулировать и утверждать свои права. Высоко оценивая открытия Гоббса, которого Руссо отлично знал, он видит главный его недостаток как раз в наделении государства силой и правами, которых нет у подданных.

Сочинение «Об общественном договоре» было написано Руссо через 111 лет после Левиафана, в 1762 г. Великая Французская революция прошла под знаком идей Руссо. Как известно, Робеспьер не раз приезжал к Руссо на Тополиный остров и вёл с ним беседы о возможной революции. Но не забудем, что субъект права уже почти родился из субъекта хозяйствования у Гоббса. Э. Соловьёв полагает, что вследствие этого возможности развития демократии у Гоббса более сильны, чем у Руссо.

---

¹⁶ Гоббс Т. Левиафан... С. 151.

Может быть, это и так, особенно если учесть пессимистические выводы о демократическом устройстве у самого Руссо. Но всё же демократия, основанная на общественном договоре, возникла на идеях Руссо, существует уже более двухсот лет и не обнаруживает признаков вырождения. Обладающие правами члены общественного договора у Руссо из подданных становятся гражданами.

Но если нет войны всех против всех, зачем людям вступать в общежитие? Рискнём предположить, что причина этого – в желании каждого приобрести собственность и утвердить на нее право. Более того, именно собственность на землю, на средства и орудия хозяйства является, по Руссо, основой всех других прав. И это прямо вытекает из разработок Гоббса.

На первый взгляд, такое предположение кажется совершенно неверным: ведь ещё в 1754 г. в трактате «О происхождении неравенства» Руссо выводил все беды и несчастья людей именно из частной собственности. Почему же в 1755 г., то есть всего год спустя, в статье «О политической экономии» для Энциклопедии он пишет: «Несомненно, что право собственности – это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода»¹⁷? И дальше Руссо называет собственность истинным основанием общества: «собственность – это истинное основание гражданского общества и истинная порука в обязательствах граждан»¹⁸.

Тут же он приводит свои пояснения: собственность – основа общества, потому что она теснее связана с сохранением жизни, а может быть, также потому, что её труднее сохранить, чем даже саму жизнь. Это можно считать верным, и всё же, как мы полагаем, настоящая причина здесь не раскрыта. Чтобы отыскать её, попробуем воспроизвести рассуждения Руссо.

Находясь в естественном состоянии, каждый человек захватывает себе участок земли и начинает обрабатывать его. Люди переходят к оседлому образу жизни, может, потому, что животных стало меньше и труднее их добывать, а, может, потому что земледельческий труд показался им более привлекательным. Как бы то ни было, они ведут хозяйство на земле, на этом участке, приручают животных, обрабатывают землю, выращивают полезные злаки, ведут хозяйство. Этот труд сохраняет им жизнь, и каждый заинтересован в том, чтобы его дети и внуки продолжали работать на этом же участке – ведь сюда

---

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 128.

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. С. 128.

вложены силы и труд. Этот участок должен быть собственностью. И Руссо даёт совершенно чёткие определения собственности: «Не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате *расчистки и обработки* его (участка – Т.Д.), этого *единственного признака собственности*»¹⁹ человек становится собственником. «Невозможно себе представить, чтобы это понятие – собственность – возникло иначе, как из трудовой деятельности; ибо мы не видим, что, кроме своего труда, человек мог внести во что-либо им несозданное, чтобы себе это присвоить» (Там же. С. 80).

Но, кроме того, собственность, чтобы быть настоящей собственностью, должна передаваться по наследству: «Ибо подлинный дух собственности публичной состоит в том, чтобы право собственности частных лиц было прочно в роду по прямой линии» (С. 299). В отличие от Гоббса, Руссо говорит уже не о сохранении жизни, но сохранении имущества, и это – собственность: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всюю общеою силой личность и имущество каждого» (С. 160). Заслуга Руссо в том, что он наряду с Дж. Локком увидел основу собственности в собственном труде.

Обычно считают, что Руссо опирается на мелкую частную собственность и что речь идёт только о первом этапе развития капитализма, когда дело касается не увеличения капитала, а его сохранении. Отчасти это верно, но всё же не до конца. Ведь общественный договор рисует картину гражданского общества (*status civilis*), а оно характеризует развитое буржуазное общество. Вспомним, что Маркс в «Немецкой идеологии» охарактеризовал гражданское общество как общество буржуазное, а буржуа – это собственник.

Почему для Руссо собственность так важна? Здесь, вероятно, надо начать доказательство с противоположного конца, с принципа равенства, которое для Руссо – ключ к демократии. Граждане государства, не подданные, как полагал Гоббс, все они участвуют в принятии законов, в этом они все равны. «Основным законом наших установлений должно быть равенство. Всё должно подчиняться равенству, вплоть до самой власти, которая устанавливается для того, чтобы его защищать» (С. 265). Но на что опирается равенство? – По Руссо, на равенство земельной собственности. Ведь земледельческий труд для него – основной. На труде основывается вся жизнь человека, и если два человека владеют двумя одинаковыми участками земли, то у них одинаковая, *равная* собственность. Она определяет и равенство во

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. С. 166. Курсив мой – Т. Д.

всех других сферах. «Ибо, поскольку все гражданские права основаны на праве собственности, как только последнее будет уничтожено, никакое другое не сможет сохраниться. Справедливость станет только химерой, а управление лишь тиранией, и поскольку общественная власть не будет иметь никакого законного основания, никто не будет обязан её признавать, если его не вынудят к тому силой» (С. 422). Это, пожалуй, самое значительное утверждение общественного договора, указывающее на его основу, на частную собственность. Из этого ясно, почему Руссо везде настаивает на тех государственных мерах, которые делают своей целью уравнивание собственности, чтобы не дать одному человеку приобретать значительно больше, чем другому, что оно не должно допускать значительных различий в величине собственности. «Основным законом ваших установлений должно быть равенство. Всё должно подчиняться равенству, вплоть до самой власти, которая устанавливается лишь для того, чтобы его защищать. Все должны быть равны по праву рождения» (С. 265). Происхождение частной собственности, по Руссо, первоначальный захват. В отличие от Гоббса, согласно утверждению которого собственность распределяет суверен, причём с учётом привилегий, следовательно, неравномерно, у Руссо собственность устанавливается общиной без каких бы то ни было привилегий. В естественном состоянии каждый может захватить столько земли, сколько может, и именно затем этот участок нужно оберегать. Правда, общество не допускает слишком большого размера собственности кого-либо по сравнению с другими, ведь главное в общественной жизни – равенство.

Итак, дело не в мелкой частной собственности, а в собственности вообще; в Проекте конституции для Корсики» Руссо, действительно, говорит о мелкой собственности, но в «Общественном договоре» – нет. Как Гоббс почувствовал необходимость сильной власти при появлении национальных государств, этого раннего этапа восхождения буржуазии, так Руссо почувствовал необходимость частной собственности для развитой буржуазии. Она – основа всех других прав; вот почему Руссо всё время настаивает на необходимости общественных мер с тем, чтобы равенство собственности более-менее сохранялось, так, чтобы второй общественный договор не погиб, как это произошло с первым. Не отказываясь от своих убеждений в том, что частная собственность может принести несчастья, Руссо полагает, что их можно устранить благодаря разумным общественным мерам.

Имея в виду возможные несчастья, Руссо предполагал, что более сильные в состоянии в течение своей жизни захватить значительно

большие участки и нанять соседей для их обработки. Сначала те соглашаются, так как получают за это плату, но постепенно плата становится меньше, а работа больше. В то же время, хотя более имущие и получают преференции от общества в силу их более выгодной для него деятельности, политические права у всех одинаковы. Экономическое неравенство и вызывает конфликт: сначала бедные борются за свои экономические, а затем за политические права.

Надо сказать несколько слов и о подготовке гражданского равенства. Это делает школа. Общеобразовательная школа берет свое начало именно от демократического романа «Эмиль» Руссо и «Энциклопедии» Дидро. В XX в. образовательные идеи Руссо подверг критике В.В. Розанов как раз за то, что ученики не совершают прогулок с учителями, как это было во времена Аристотеля и не делают важных культурных открытий. При обучении все равны – способные и неспособные, все обучаются одним и тем же предметам и одним и тем же способом. Для В.В. Розанова это – ущербное воспитание, не позволяющее сформироваться талантам. Но именно в этом сказалась прозорливость Руссо. Он понял, что буржуазному обществу нужны не изобретатели, а прежде всего работники. Они должны овладеть некоторыми определёнными навыками и использовать их в своей работе, исполнять задания. И лишь в 60-х годах XX в., то есть через двести лет, когда буржуазное общество достигло своего пика, стали появляться отличные от общеобразовательных специальные школы – художественные, языковые и т.д. Руссо и в этом опередил своё время.

Но достижимо ли подлинное равенство? Этот вопрос и сегодня в центре споров. Равенство могло бы сохраниться, писал ещё Руссо, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями. Ведь и обрабатывается земля разными способами, и с разными способностями достигают разных результатов. Поэтому не только вследствие первого захвата возникает неравенство, Руссо признаёт, что его избежать нельзя, именно поэтому надо поддерживать те общественные меры, которые не дают возникнуть слишком большому экономическому неравенству. «Дело не в том, чтобы совершенно уничтожить собственность частных лиц, потому что это невозможно, но в том, чтобы заключить её в более тесные пределы, дать ей меру, принципы, узду, которые бы её сдерживали» (С. 284). «Одно из самых важных дел правительства – предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатств у их владельцев, но лишая всех остальных возможности накапливать богатство, не воздвигая приютов для бедных, но ограждая граждан от возможности превращения в бедняков» (Там же).

* * *

Но вернёмся к моменту заключения договора. Заметим, что Руссо говорит не только о земельной собственности, а о собственности вообще. То, чего не предусмотрел Руссо, касается неравных *исходных* возможностей. В самом деле, у разных людей, живущих в разных условиях, существуют неравные жизненные возможности. Например, у ребёнка, живущего в двухстах километрах от Москвы, нет нужной школы, а в городе нет качественного института. Не каждый, как Ломоносов, отправится в Москву за образованием. Речь может идти и о других благах, распределённых неравномерно. Этому вопросу в настоящее время уделяется большое внимание.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков здесь является английский философ Джон Роулз с его концепцией справедливости. В 1971 г. он издал книгу «Теория справедливости», в 1993 г. вышла вторая его книга «Политический либерализм»²⁰. Роулз стремился теоретически обосновать необходимость справедливого распределения основных благ, куда входят доходы, политические свободы, образование, медицинское обслуживание, власть. Его теория носит также название «теории честности»: надо все блага по возможности честно распределить. Честное распределение должно руководствоваться двумя принципами: первый принцип – по возможности справедливо распределять приоритетные блага – с помощью налогов на более обеспеченных, с помощью фондов, расходов государственных на выплаты малообеспеченным, на образование, медицинское обслуживание и т.д. Второй принцип: допускается неравенство, если оно служит на благо всему обществу, в том числе самым малоимущим так, чтобы обеспечить им минимальное благополучие, *maximum minimorum*.

Распределение должно быть беспристрастным; для этой цели требуются рациональные и моральные личности. По этому поводу замечают, что это ещё более утопическое намерение, чем концепция равенства Руссо.

Против Дж. Роулза выступает американский политолог Майкл Уолцер с теорией релятивной справедливости в книге «Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века»²¹. М. Уолцер настаивает на том, что в обществе в разных его сфе-

---

²⁰ Rawls J. A Theory of Justice. Cambr. MA, 1971; рус. пер.: *Роулз Д.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Rawls J. Political Liberalism. New York, 1993.

²¹ Walzer M. The company of critics. Social criticism and political commitment in the twentieth century. New York, 1988, рус. пер.: *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.

рах всегда существует неравенство, допускаемое обществом, и это рационально. Оно допустимо тогда, когда компенсирует потери незащищённых слоёв (например, неравенство по профессиональному уровню, уровню подготовки в медицине, в политике; в разных сферах принципы распределения могут быть разными – по заслугам, всем одинаково, по профессиональной пригодности. Это так называемый принцип сфер – в разных областях общественного развития существуют разные формы справедливости. Второй принцип – тезис недоминирования: невозможно выстраивать эти формы по иерархии, а неравенство в одной сфере не определяет неравенство в другой. Но в целом, возможно, справедливость будет достигнута только тогда, когда с первого места отойдёт способ производства материальных благ, когда лозунг будет не «каждому по труду», а «каждому по потребностям»).

Другой важный вопрос, обрастающий противоречиями, это вопрос о государственной власти. По убеждению Руссо, суверенитет (т.е. независимость и самостоятельность) принадлежит не государству, не монарху, а народу, точнее, обществу, общественному договору, общине. И Руссо ясно видит разницу между государством и гражданским обществом, которое находится между отдельными индивидами и государством. Государство – это управляющая сила, чиновники, министры, военная сила. Все они исполнители; исполнительная власть отделена от законодательной, а её осуществляет гражданское общество.

Гражданское общество воплощает в себе общую волю, то есть волю всех граждан, входящих в соглашение, но не в качестве частных лиц, а в качестве граждан. Это то общее, которое их интересует: как строить государственную власть, каким образом создавать образовательную систему, как заключать мирные соглашения с другими государствами и т. п. Отделяя волю всех от общей воли, Руссо разделяет экономику и политику. Понятие общей воли он заимствует из статьи Дидро «Естественное право» для Энциклопедии и придаёт ему исключительное значение.

Только в результате общей воли принимаются законы и устанавливается собственность. В результате договора «каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех каждый член превращается в нераздельную часть целого»²².

---

²² Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. С. 161.

Как «противоположность частных интересов сделала необходимым установление общества... так согласие этих интересов и сделала возможным сие»²³. Общая воля и есть суверен, и он не передаётся никому, он неотчуждаем и неделим.

Руссо высказывает также мысль о том, что повиновение законам имеет место потому, что сам народ их и принимает. Именно весь народ, и первая трудность для Руссо состоит в том, как собрать народ «в одно собрание». Представительства он не признаёт и апеллирует к римскому народу, который собирался на Форум по нескольку раз в день. Правда, в Проекте конституции для Корсики, которая писалась три года спустя, в 1765 году, он уже допускает представительство, но всё же его симпатии на стороне непосредственно выраженной общей воли.

Как же создаются законы? Народ хочет блага, пишет Руссо, но не знает, в чём оно. Ведь народ далеко не весь просвещён, образован. Поэтому требуется законодатель, своего рода просвещённый философ-учитель, который будет предлагать народу законы, хотя он и не должен пользоваться результатами своей привилегированности. Поэтому, согласно Руссо, эта фигура почти божественная: он ничего не требует и не просит, он согласен работать в одном веке, а стяжать славу в другом²⁴.

Но если граждане только утверждают те законы, которые им предлагает законодатель, можно ли их считать властью? И Руссо высказывает неоднозначное суждение, заставляющее задуматься об источнике законов: в деле их создания мы обнаруживаем две противоречащие друг другу вещи – предприятие, превышающие человеческие силы (законодатель), и для осуществления этого – «власть, которая сама по себе ничего не значит»²⁵. Но может ли быть властью власть, которая ничего не значит? Этот вопрос влечёт за собой сомнение в том, что общая воля не может ошибаться, да и вообще в том, является ли народ сувереном. Так как непросвещённый народ очень трудно убедить в чём-либо, Руссо посвящает этой трудности целую страницу. «Есть очень много понятий, которые почти невозможно перевести на язык народа; очень широкие планы и слишком

---

²³ Там же. С. 167.

²⁴ В этих вопросах Руссо как бы предвосхитил и французскую, и октябрьскую революции: так, Ленин был тем законодателем, который предлагал революционные законы, указы; Советы их принимали, а весь народ, матросы, крестьяне и т.д., во всяком случае, в крупных городах, их поддерживали.

²⁵ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. С. 180–181.

далёкие предметы ему недоступны» (Там же. С. 181). Для того, чтобы нечто глубокое и далёкое стало ему понятным, надо превратить следствие в причину, чтобы индивиды до появления законов были тем, чем они должны стать благодаря этим законам. Но это ведь, по сути, дело невозможное. Да и просвещение народа оборачивается не убеждениями и доводами – их необразованные люди не понимают – а просто надо их увлекать за собой, не прибегая к убеждениям. Но как это сделать? Просто увлечь картинами хорошей жизни? – Не разрешая этой трудности, Руссо обращает внимание ещё и на то, что общая воля, будучи неразумной, подчиняет себе талантливых индивидов, практически угнетая их. Это мы неоднократно видели в нашей истории, когда толпа кричит: – «Я Пастернака не читал, но знаю, что он английский шпион».

Можно выделить ещё одну трудность, не замеченную самим Руссо – ограниченность здравого смысла. Его герой Эмиль по достижении 18 лет предпринимает путешествие с учителем по разным странам с целью познакомиться с действием общественного договора, но он не отличается никакими гражданскими доблестями. Может быть, он участвует в принятии законов? Но об этом ничего не говорится. Скорее всего, Руссо убеждён в том, что, обладая здравым смыслом, он может участвовать в принятии законов.

С одной стороны, Руссо утверждает, что патриотизм и другие республиканские доблести куются «на полях», то есть в земледельческом труде, который и формирует здравый смысл. Благодаря ему можно быть гражданином, принимающим законы. «Меня спросят, пишет Руссо, можно ли, обрабатывая своё поле, приобрести способности, необходимые для того, чтобы управлять. Я отвечу, что можно» (С. 191). Но верим ли мы, что «каждая кухарка может управлять государством»? Всё это вынуждает думать, что демократические тенденции в сочинении Руссо не более сильны, чем демократические замыслы в сочинении Гоббса. История подтвердила, как будто, правоту Руссо, но его совсем не оптимистические выводы заставляют усомниться в верности его доводов. Руссо заканчивает «Общественный договор» пессимистически: «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собой демократически. Но правление, столь совершенное, не подходит людям»²⁶.

Трудности эти Руссо не разрешил. Однако его идеи получили своё развитие в трудах зарубежных и российских мыслителей.

---

²⁶ Там же. С. 201.

* * *

Так, Юрген Хабермас превращает гомогенный народ Руссо во взаимодействие партий власти и активной общественности. «Мы можем различить власть, рождающуюся в процессе коммуникаций, и административно применяемую власть. В деятельности политической встречаются и пересекаются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативные формирования легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности. А с другой, – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями»²⁷. Иными словами, получившие большинство в ходе политической борьбы правящие партии публикуют свои лозунги и призывы, которые должны столкнуться со стихийно возникающими в ходе политических выступлений лозунгами масс. Они встречаются и коррелируют друг с другом. Без их столкновения общественная жизнь невозможна. Народ обретает свою политическую грамотность посредством появляющихся в ходе массовых выступлений неинституционализированных образований (Öffentlichkeit). Здесь рождаются и законодатели, так же, как они появляются в результате политических действий легитимных партий.

С точки зрения отечественного философа В.С. Библера, только в рискованных и раскованных уличных карнавалах в самом народе выделяются законодатели, и заново заключается общественный договор: «В гражданском обществе исходное право и смысл всех остальных прав – свобода слова, собраний, митингов, передвижения – это право суверенного индивида – в общественном договоре с такими же столь же суверенными индивидами формировать, образовывать общество, экономику, государство. Извечно и демократично только то современное общество, которое сохраняет в своих корнях демократическое право своих граждан заново, исходно, изначально порождать и договорно закреплять свои собственные правовые структуры»²⁸.

Современная эпоха вносит свои поправки и в вопрос о революции: огромное переселение народов, с одной стороны, а с другой – усиление компьютерно-интернетовской деятельности и общения ставит под сомнение существование прежних классов и групп. Совмест-

---

²⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 34.

²⁸ Библиер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре // Библиер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. С. 355.

ный труд заменяется всеобщим трудом, когда социальная революция уходит со сцены благодаря революции научно-технической. Конечно, этот вопрос требует длительной и тщательной разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре (1990) // Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936.

Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964.

Гусейнов А.А. Слово о Руссо // Историко-философский ежегодник. 2013. № 2012. С. 173–176.

Мотрошилова Н.В. Удивительная актуальность идей Руссо о “le contrat social” // Историко-философский ежегодник. 2013. № 2012. С. 191–224.

Ойттинен В. Двудикое просвещение // Электронный философский журнал. Вып. 23. 2017.

Ролз Д. Теория справедливости / Пер. с англ. В.Целищева, В.Карповича, А.Шевченко. Новосибирск: Изд НГУ, 1995. 532 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Мысль, 1969.

Руссо Ж.-Ж. Проект Конституции для Корсики // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Мысль, 1969.

Скиннер К. Свобода до либерализма / Пер. А.В. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2006.

Соловьев Э.Ю. Политическая философия Томаса Гоббса // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.

Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с.

Федорова М.М. Суверенитет народа: парадоксальная судьба революционных принципов в постреволюционную эпоху // Историко-философский ежегодник. 2013. № 2012. С. 225–241.

Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Камі, 1995.

Parsons T. The structure of social action. New York: Free Press, 2006.

Rawls J. A Theory of Justice. Cambr. Mass.: Belknap Press, 1971.

Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia Univ. Press, 1993.

Skinner Q. Hobbes’s “Leviathan” // The Historical Journal. Vol. 7, Issue 2, 1964, pp. 321–333.

Skinner Q. Hobbes and Republican Liberty. Cambridge university press, 2008.

Strauss L. Hobbes politische Wissenschaft // *Strauss L. Gesammelte Werke.* Stuttgart, 2008.

Walzer M. The company of critics. Social criticism and political commitment in the twentieth century. New York, Basic Books, 1988.

TAMARA BORISOVNA DLUGATSCHEVA

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia.

E-mail: dlugatsch@yandex.ru.

From Leviathan to Civil Society

Abstract. The author of the article aims to better disclose the content of the concept of a social contract, first introduced in the Leviathan by Thomas Hobbes. Criticism of Hobbes's views by contemporary researchers is briefly examined (T. Parsons, Q. Skinner, E.Yu. Soloviev). J.-J. Rousseau, who developed the principles of the social contract, explained the emergence of the state by the need to introduce private property. This is no longer a sovereign state with subjects, but a civilian community with citizens who, thanks to the agreement, become parts of a common will. It is the citizens who pass laws in their forums and establish private property; it is the civilian community that has sovereignty. Equality of citizens in all spheres of life is due, according to Rousseau, to equal property, therefore only those government measures that prevent too large differences in the size of property are recognized as legal. A small part of the article is devoted to modern theories of justice and relative justice by J. Rawls and M. Walzer, who drew attention to the initial inequality of the possibilities of people and the ways to overcome it. The author of the article points out the difficulties associated with acts of sovereignty, i.e., with acts of adoption of laws in the teachings of Rousseau. The legislator proposing laws and the people adopting them are in complex antinomic relationships: the unenlightened people do not understand the meaning of the proposed laws, and the legislator cannot explain it, because it is ahead of its time. Rousseau does not resolve this antinomy as well as he cannot recognize common sense as a reliable way of managing society. The analysis of some modern concepts of social structure – of J. Habermas and V. Bibler – forces us to recognize Rousseau as our contemporary, with whom we are now engaging in dialogue on the most important problems of current development.

Keywords: Hobbes, Rousseau, Social contract, state, community, sovereign, citizens, subjects, rights, freedoms, property.

References

Bibler, V. "O grazhdanskom obshchestve i obshchestvennom dogovore" [On civil society and social contract], in: Bibler, V.S. *Na granyakh logiki kultury. Kniga izbrannykh ocherkov.* Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1969.

Hobbes, Th. *Leviatan, ili Mareriya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1936. (In Russian)

Hobbes, Th. O grazhdanine [About citizen], in: Hobbes Th. *Izbrannye proizdedeniya* [Collected Works], in 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1964. (In Russian)

Guseinov, A.A. "Slovo o Russo [Word about Rousseau], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of philosophy yearbook]. 2013. No 2012, pp. 173–176. (In Russian)

Motroshilova, N.V. Udivitel'naya aktual'nost' idei Russo o "le contrat social" [Amazing relevance of Rousseau's ideas about "le contrat social"], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of philosophy yearbook]. 2013. No 2012, pp. 191–224. (In Russian)

Oittinen, V. "Dvulikoe Prosveshchenie" [Two-faced Enlightenment], *Elektronnyi filosofskii zhurnal* [Electronic philosophical journal]. Issue 23. 2017. (In Russian)

Rawls, J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice], transl. by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: NGU Publ, 1995. 532 p. (In Russian)

Rousseau, J.-J. "Ob obshchestvennom dogovore" [About the social contract], in: Rousseau, J.-J. *Tractaty* [Treatises]. Moscow: Mysl' Publ, 1969.

Rousseau, J.-J. "Proekt Konstitutsii dlya Korsiki" [Constitutional Project for Corsica], in: Rousseau, J.-J. *Tractaty* [Treatises]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. (In Russian)

Skinner, Q. *Svoboda do liberalizma* [Liberty before Liberalism], transl. by A.V. Magun. Sankt-Peterburg, European University Publ., 2006.

Solovyev, E.Yu. "Politicheskaya filosofiya Tomasa Gobbsa" [Political philosophy of Thomas Hobbes], in: *Filosofiya epokhi rannikh burzhuaznykh revolyutsii* [Philosophy in the era of early bourgeois revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 1983. (In Russian)

Walzer, M. *Kompaniya kritikov: Sotsial'naya kritika i politicheskie pristrastiya 20 veka* [The company of critics. Social criticism and political commitment in the twentieth century]. Moscow: Ideya Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 360 p. (In Russian)

Fedorova, M.M. "Suverenitet naroda: paradoksal'naya sud'ba revolyutsionnykh printsipov v postrevolyutsionnyu epokhu" [Sovereignty of the people: the paradoxical fate of revolutionary principles in the post-revolutionary era], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. 2013. No 2012, pp. 225–241. (In Russian)

Filippov, A.F. "Aktual'nost' filosofii Gobbsa" [Relevance of Hobbes's philosophy], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2009, Vol. 8. No 3. (In Russian)

Parsons, T. *The structure of social action*. New York: Free Press, 2006.

Rawls, J. *A Theory of Justice*. Cambr. Mass.: Belknap Press, 1971.

Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia Univ. Press, 1993.

Skinner, Q. "Hobbes's "Leviathan"", *The Historical Journal*. Vol. 7, Issue 2, 1964, pp. 321–333.

Skinner, Q. *Hobbes and Republican Liberty*. Cambridge university press, 2008.

Strauss, L. Hobbes politische Wissenschaft, in: Strauss L. *Gesammelte Werke*. Stuttgart, 2008.

Habermas, J. *Demokratiya. Rasum. Nравstvennost'*. *Moskovskie lektsii i intervyyu* [Democracy. Reason. Morality. Moscow lectures and interview]. Moscow: Kami Publ, 1995. (In Russian)

Walzer, M. *The company of critics. Social criticism and political commitment in the twentieth century*. New York, Basic Books, 1988.